РИТМ ЭКОНОМИКИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Трансформация экономики в посткоммунистический период: сравнительный анализ опыта России и Польши

Роман Дмитриевич Кутейников[a]
Наталья Евгеньевна Булетова[a, b]

[a] **Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**

[b] **Санкт-Петербургский научный центр РАН**

EDN: FQVBUA

Аннотация: В статье представлены результаты исследования трансформационных процессов в Польше и России в рамках посткоммунистической модернизации, направленной на формирование развитой рыночной экономики западного образца. Исследование обосновывает дихотомию трансформации экономики, при которой универсальный характер преобразований приводит к формированию уникальных социально-экономических моделей в разных странах. На основе историко-экономического анализа выявлены системные предпосылки, определившие разные подходы данных стран к приватизации. Отмечается, что Польша выбрала стратегию избирательной приватизации. Процесс приватизации в России проходил в условиях институциональным вакуумом, характеризовался перераспределением благ узкой группой лиц, сопровождался обесцениванием сбережений населения и формированием олигархической системы. В условиях восстановления экономического суверенитета РФ необходимо учесть негативный опыт нерезультативной модели приватизации, обеспечив общественный контроль, последовательность стратегии приватизации и национализации собственности, разрабатываемой и реализуемой институтами власти.

Ключевые слова: экономика переходного периода, «шоковая терапия», ваучерная приватизация, национальный инвестиционный фонд, институциональная экономика, Россия, Польша

Дата поступления статьи в редакцию: 21 января 2026 года.

Economic transformation in the post-communist period: a comparative analysis of the experience of Russia and Poland

RESEARCH ARTICLE

Roman D. Kuteynikov[a]
Natalia E. Buletova[a, b]

[a] **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**

[b] **Saint Petersburg Research Center of the Russian Academy of Sciences**

Abstract: The article presents the results of a study examining the processes of transformation in Poland and Russia as part of the post-communist modernization process aimed at establishing developed, Western-style market economies. The study substantiates the dichotomy of economic transformation. The universal nature of these transformations leads to the emergence of distinctive socioeconomic models in various countries. A historical and economic analysis has identified the systemic factors that shaped these countries' different approaches to privatization. The authors note that Poland adopted a strategy of selective privatization. The process of privatization in Russia took place amid an institutional vacuum. It was characterized by the redistribution of wealth among a small group of individuals, accompanied by the devaluation of public savings and the emergence of an oligarchic system. As the Russian Federation attempts to regain economic sovereignty, it must consider the negative consequences of ineffective privatization models. This can be achieved by ensuring public oversight and consistency in the privatization and nationalization strategies developed and implemented by government institutions.

Keywords: transition economy, «shock therapy», voucher privatization, national investment fund, institutional economics, Russia, Poland

Received: January 21, 2026.

Введение

Трансформационные процессы на посткоммунистическом пространстве Восточной Европы и СНГ уже не один десяток лет привлекают внимание исследователей. Восприятие этих процессов существенно разнится: от признания несомненных успехов, преподносимых в качестве образцово-показательных примеров экономического чуда, до полного разочарования в способности рыночной экономики регулировать развитие общества и государства. В данной статье на примере Польши и России – полярных на геополитическом поле, но близких по смене политических циклов и историческому контексту государств – будет рассмотрено течение постсоциалистической модернизации и ее итоги. Сейчас, в эпоху новых вызовов и глобальных перемен, оценка опыта хозяйственно-государственного строительства последних десятилетий представляется особенно актуальной. Рефлексия об опыте недавнего прошлого не только сделает нагляднее и понятнее причины многих современных проблем российской экономики, но и сможет внести ясность в определение вектора потенциального реформирования и исправления допущенных в прошлом ошибок.

Представленная тема получила довольно широкое освещение в научной литературе. Н.Ю. Лапиной проделан огромный труд по систематизации трансформационных процессов в РФ, составлена историческая карта российской приватизации [Лапина, 2003]. Не меньшей ценностью обладает книга А.Б. Чубайса и Е.Т. Гайдара, так как они, будучи непосредственными участниками и инициаторами преобразований, обладают уникальной информацией о неформальной стороне российских реформ 1990-х годов [Гайдар, Чубайс, 2011]. Огромный массив фактологического материала представлен в докладе Счетной палаты Российской Федерации об итогах приватизации в России в 1991–2003 годах за авторством рабочей группы под руководством С.В. Степашина [Анализ процессов приватизации, 2004]. Исследование А.В. Сафронова, одного из крупнейших современных исследователей советской экономики, позволяет дополнить картину трансформации важными сведениями об особенностях плановой экономики, формируя ясный образ исходной точки трансформации [Сафронов, 2025].

Структурированное описание экономической и политической трансформации **польского** государства в посткоммунистический период представлено в книге А.А. Керимова и О.В. Нагорных «Декоммунизация по-польски: от теории к практике» [Керимов, Нагорных, 2025]. На ее исторический подтекст проливают свет статьи В.В. Волобуева, который анализирует специфические аспекты социальных отношений в коммунистической Польше [Волобуев, 2018]. Исследования польского ученого Д.Т. Гралы посвящены проблемам польской плановой экономики, в том числе в поздний период истории ПНР, крайне слабо освещенный в российской научной литературе [Grala, 2005]. Социальная сторона трансформации польской экономики затронута в работе А. Вежбицки [Вежбицки, 2019]. Правовые аспекты приватизации в ПНР как центрального компонента трансформационных процессов детально рассмотрены в реферативном обзоре Т.В. Черноморовой [Черноморова, 2002].

Цель исследования – на основе сравнительного анализа опыта Российской Федерации и Польской Республики определить конструктивные и деструктивные аспекты приватизации в период экономической трансформации, адаптировав их для актуальных экономических задач России.

Мы исходим из предположения о закономерности процессов приватизации как одного из элементов трансформационного периода построения рыночной экономической системы, а также условий и причин, которые оказывали воздействие на эти процессы. К основным факторам трансформации следует отнести роль работников приватизируемых предприятий как сильного общественного актора, уровень предпринимательской активности и наличие признаков смешанной модели управления предприятиями в переходный период от социалистической к рыночной модели экономики. Экстраполяция выявляемых закономерностей в реализации реформ в историческом аспекте требует детального сравнения, что в перспективе позволит определить возможности и угрозы для будущих сценариев развития в современных условиях нестабильности, неопределенности и асимметричности экономических процессов и отношений.

Приватизация в ПНР и СССР: предпосылки для сравнения

Выбор Польши в качестве страны для сравнения с Россией не случаен. Оба государства имеют опыт долгосрочной социально-экономической и политической конвергенции в рамках социалистического содружества. Пик развития индустриального общества и в Польше, и в России пришелся на коммунистическую эпоху. Эта конвергенция отразилась и на процессах модернизации, детерминированных идентичным для обеих стран догоняющим характером развития экономики. Единое хозяйственное наследие в виде общего комплекта проблем и архитектуры предполагаемых решений нашло свое отражение и в выборе концепций реформ («шоковой терапии») в Польше и России как желательного образца трансформации. Под трансформацией в дан-

ном случае понимается многосторонний социально-экономический процесс перехода от планового хозяйства к рыночному, сопровождаемый выстраиванием современной институционально-правовой инфраструктуры и организацией оптимальной с точки зрения баланса интересов государства и населения конфигурации социальных сил общества. Экономическая лиминальность, порождаемая подобным переходом, в свою очередь, подчеркивает важность приватизации как главной направляющей силы всей трансформации.

Как представляется, именно комплексный анализ приватизации путем детального рассмотрения ее нормативных и социологических основ, определения ключевых заинтересованных сторон и динамики приватизационных мероприятий будет является ключевым критерием для сравнения трансформации в России и Польше. Данная работа будет сфокусирована на поиске источников различий, что расширит потенциал бенчмаркинга более эффективных методик в рамках рассматриваемой темы.

Польша после окончания Второй мировой войны оказалась в социалистическом лагере, попав в идеологическую и культурную орбиту Советского Союза. Сложившиеся еще в довоенный период рыночные институты были заменены плановой системой советского образца. Это обстоятельство обусловило «сезонность» развития польской экономики в социалистический период, во многом напоминающая циклы централизации-децентрализации в СССР [Белановский, Яременко, Яременко, 1998. С. 146–152]. Однако смена экономических циклов либерализации и «реакции» для Польши имела свою ярко выраженную специфику. Она характеризовалась слабыми центростремительными тенденциями и мощным, слабо контролируемым центробежным импульсом, что отличало ее не только от Советского Союза, но даже от ближайших восточноевропейских соседей – Чехословакии и Германской Демократической Республики. Если во всех упомянутых странах политический курс оттепели был фактически свернут к началу 1970-х годов, после чего в них наблюдались явные признаки консервации режима и торможения рыночных реформ (режим «нормализации» в Чехословакии и сворачивание «новой экономической системы» в ГДР), то Польская народная республика (ПНР) продолжила постепенно дрейфовать к капитализму (похожие тенденции наблюдались в Венгрии, где несмотря на начало застоя в СССР, концепция «кадаризма» продолжала господствовать в хозяйственных отношениях).

Ограничения, свойственные для централизованной плановой экономики, в ПНР не затронули частный сектор, представленный сферой услуг и сельским хозяйством, в результате чего эти отрасли избежали пагубного воздействия государственного патернализма. В сфере промышленности партийная номенклатура и директорат не смогли сформировать с трудовыми коллективами симбиотические отношения – пролетариат являлся основным двигателем социально-политических протестов на протяжении всей недолгой истории Польской Народной Республики, что в конце концов привело к ее краху. Сила рабочих как социальной группы особенно возросла в 1980-е годы, что было связано с деятельностью первого в ПНР независимого профсоюза, а по сути, массового общественного движения «Солидарность». Окрепшие за годы активного противодействия социалистическому режиму связи внутри «Солидарности» привели к тому, что рабочие продолжали играть важную роль в политической жизни страны и после краха коммунизма. В частности, движению удалось добиться отсрочки при принятии Закона о национальных инвестиционных фондах, в результате чего целый комплекс приватизационных мероприятий был отложен вплоть до 1994–1995 годов[1].

В Советском Союзе рабочие, несмотря на статус класса-гегемона, не обладали аналогичным влиянием в обществе – руководящую роль играли директорат и партийные функционеры. Недовольство и тем более прямые протесты против КПСС были попросту невозможны вплоть до начала перестройки в СССР. Нейтрально-положительное отношение к власти способствовало формированию устойчивых каналов интеракции между трудовыми коллективами и руководством предприятий. Экономическая логика этих связей лежала в плоскости системы хозяйственного расчета, которая позволяла через социально-ориентированную деятельность (строительство жилья, раздача путевок, система премирования и пр.) «привязывать» работников к предприятию. Подобный социальный протекционизм работал исключительно на ведомственном уровне, за пределами которого был доступен лишь базовый и куда более скромный набор благ.

Такая атомизация рабочего класса, вкупе с пассивностью центра и сильным средним менеджерским звеном, способствовала тому, что основу нарождающегося класса предпринимателей составили «красные директора» и представители номенклатуры. Это отразилось и на характере рыночных отношений, на которые были перенесены

1 Блокировка закона членами «Солидарности» объяснялась тем, что закон предусматривал равное распределение акций предприятий между всем населением путем продажи по номинальной цене, без льгот для служащих этих предприятий.

преимущественно деструктивные паттерны экономического поведения. Подобные тенденции открыто проявились после принятия законов «О кооперации» и «О предприятии» в 1988 году, когда кооперативы при предприятиях стали легальным каналом перепродажи оборудования и изготавливаемой продукции по свободным ценам, по сути же – легализации доходов в обход государственного заказа. Впоследствии эта практика стала основой для т.н. спонтанной приватизации в 1988–1991 годах, когда особо предприимчивые представители партийной номенклатуры и директора полузаконными методами приватизировали и перепродавали аффилированным лицам за бесценок целые заводы, в результате чего национальной промышленности был нанесен непоправимый ущерб.

Эта ситуация, как мы предполагаем, стала возможна из-за того, что в СССР (в отличие от ПНР) отсутствовал сильный общественный актор в лице рабочего движения, который в теории мог бы обеспечить противовес рейдерским захватам предприятий партийной бюрократией или сформировать необходимый социальный запрос на борьбу с этим явлением. Негативную роль сыграло и то, что какого-либо опыта взаимодействия с бизнесом (как и представления о том, в каких правовых рамках он должен был функционировать) у советских руководителей, в отличии от их польских коллег, также не было.

Трансформация польской экономики, как уже отмечалось выше, началась гораздо раньше, чем в России. Реформы Эдварда Герека в 1970-е годы обеспечили сосуществование рыночных элементов и госплана в социалистической польской экономике. Предвестником куда более радикальных преобразований конца 1980-х годов стали августовские соглашения между рабочими и правящей Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) в 1980 году, которые заложили основы курса политической и экономической либерализации на последующее десятилетие. Даже объявленное тогдашним главой государства Войцехом Ярузельским военное положение в 1981–1983 гг. не привело к отказу от курса на преобразования, а скорее стало попыткой перехвата инициативы у «Солидарности» и перенаправления реформ в подконтрольное партии русло. Руководство ПНР тем самым пыталось скорее имитировать реакционный поворот, чтобы получить гарантии невмешательства извне, со стороны СССР, что обеспечивало польскому руководству бóльшую свободу действий.

В 1982 году началось плавное введение свободного ценообразования на отдельные потребительские товары. В том же году был принят закон, гарантирующий частную собственность на землю и полную защиту индивидуальных фермерских хозяйств. Постепенно была разрешена деятельность некооперативного частного сектора, в том числе иностранного (общий обзор этих мер см. [Dziurok, Gałęzowski, Kamiński, Musiał, 2010. S. 411–474]). Высшей точкой рыночных нововведений социалистического периода стали законы кабинетов Збигнева Месснера и Мечислава Раковского в 1987–1989 годах[2], подготовившие почву для институционального углубления и грамотного завершения трансформационных реформ. Для понимания динамики ниже представлены **рисунки 1 и 2**, наглядно иллюстрирующие рыночный поворот в экономике Польши в 1980–1987 годы.

Польский опыт приватизации

Заблаговременное проведение мероприятий по либерализации народного хозяйства позволило Польше мягче, чем Россия, пережить гиперинфляцию, свойственную для таких переходных стадий[3] – уже после 1990 года индекс потребительских цен не превышал двузначных чисел и последовательно снижался в период приватизации. В **таблице 1** представлено сравнение индексов потребительских цен в России и в Польше в период активной фазы трансформационных процессов в 1990-х годы.

Столь длительный экскурс в экономическую историю ПНР необходим для понимания причин, повлиявших на комплексы политических и экономических решений двух стран. Польские элиты, благодаря длительной подготовке реформ, могли сфокусироваться на программе приватизации и доработке решений, тогда как российский истеблишмент был занят формированием рыночной экономики фактически с нуля. Это не могло не наложить отпечаток на выбор подходов к приватизации и их конечной результативности.

Польша пошла по условному «китайскому пути» в области приватизации. Хотя программа «шоковой терапии» в Восточной Европе была впервые реализована именно в Польше, на самом деле польские либерально-демократические реформы, были долгим эволюционным процессом, в отличие от «шоковой терапии» в России. По существу «шоковая терапия» Лешека Бальцеровича представляла собой комплекс законов, касающихся либерализации фискальной и монетарной политики государства. Она была направлена на устранение оставшихся от плановой экономики дисбалансов,

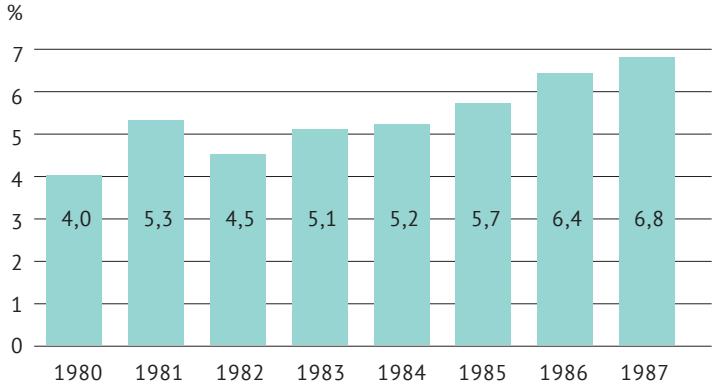
2 В частности, был легализован открытый валютообмен, расширен охват ценовой либерализации, начато формирование двухуровневой банковской системы.

3 Не в последнюю очередь из-за того, что компенсация дефицита спроса в командной экономике, накапливающегося в течении целых десятилетий, происходит в течение короткого промежутка времени.

обеспечивающих неформальное преимущество госпредприятий над частным сектором, но не затронула сам процесс передачи собственности. Приватизация в Польше – по сравнению с другими постсоциалистическими странами Европы и особенно с Россией – проводились без особой спешки. За 1990–1996 годы из 8441 госпредприятий лишь 1998 (22,4 %) окончательно прошли процедуру приватизации [Черноморова, 2002. С. 24]. Отчасти это было связано с тем, что коммерциализация наиболее наукоемких и эффективных производств проводилась избирательно и с пристальным вниманием к деталям. Скрупулезность польского правительства доходила до того, что для 155 предприятий, имеющих особую ценность для государства, разрабатывались и применялись отдельные механизмы приватизации. Крупные предприятия, выходящие из перечня стратегических, однако также значимые для экономики, подлежали косвенной или денежной приватизации через тендеры и инвестиционные соглашения, которые гарантировали сохранение базовой, обычно наукоемкой специализации предприятия и его использования инвесторами по целевому назначению [Там же. С. 21].

Рисунок 1. Чистая произведенная продукция. Доля несельскохозяйственного частного сектора в общей структуре национальной экономики ПНР (в %)

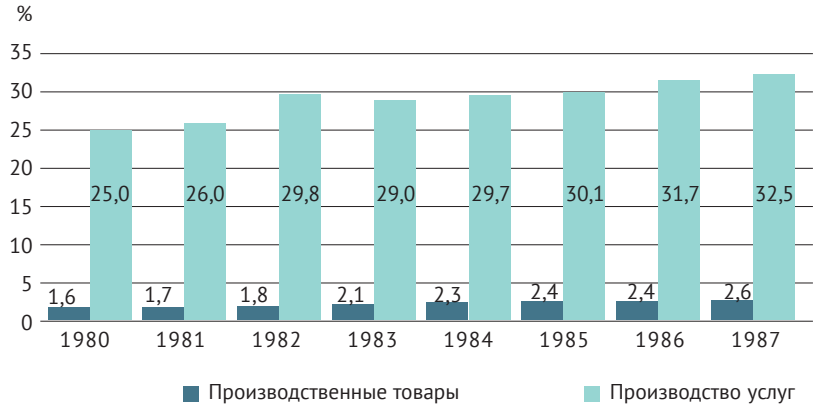
Figure 1. Net output. Share of the non-agricultural private sector in the overall structure of the national economy of the Polish People's Republic (in %)

Источник: Составлено Д.Т. Гралой [Grala, 2005. S. 265]
Source: Compiled by D.T. Grala [Grala, 2005. P. 265]

Рисунок 2. Обеспечение населения товарами и услугами несельскохозяйственным частным сектором в общей структуре национальной экономики ПНР (в %)

Figure 2. Provision of goods and services to the population by the non-agricultural private sector as a percentage of the overall structure of the national economy of the Polish People's Republic (in %)

Источник: Составлено Д.Т. Гралой [Grala, 2005. S. 266]
Source: Compiled by D.T. Grala [Grala, 2005. P. 266]

Однако на осуществление приватизации таким способом требовалось больше времени. Лишь средние и малые предприятия приватизировались быстро, обычно через сдачу в лизинг персоналу или прямую продажу. К слову, часть приватизационных процедур стала реализоваться еще в социалистический период, что, безусловно, внесло дополнительный вклад в накопление нормативного опыта. Но незначительные объемы приватизации объяснялись не только хозяйственной дальновидностью. Огромное влияние на экономическую политику сохранял промышленно-производственный персонал – именно он являлся электоральной опорой президента Леха Валенсы (1990–1995), бывшего лидера «Солидарности» и идейного выразителя интересов рабочих. Пролетариат обладал реальными рычагами воздействия на экономику. Так, по закону от 1981 года о государственном предприятии, сотрудники могли ветировать любые входящие инициативы по приватизации [Черноморова, 2002. С. 20], что и послужило причиной упомянутой ранее отсрочки программы ваучерной приватизации до середины 1990-х годов, когда в отношении них не были предусмотрены дополнительные льготы. Рабочий фактор, однако, не столько тормозил трансформацию

Таблица 1. Сравнение индексов потребительских цен (ИПЦ, в %) России и Польши в 1990-е годы

Table 1. Comparison of consumer price indices (CPI, in %) in Russia and Poland in the 1990s

Годы	ИПЦ, в % к предыдущему году		Темп инфляции, в %		Относительная величина сравнения Индекса потребительских цен (Россия / Польша), раз
	Россия	Польша	Россия	Польша	
1991	260,4	170,3	160,4	70,3	1,53
1992	2608,8	143	2508,8	43	18,24
1993	939,9	135,3	839,9	35,3	6,95
1994	315,1	132,2	215,1	32,2	2,38
1995	231,3	127,8	131,3	27,8	1,81
1996	121,8	119,9	21,8	19,9	1,02
1997	111,3	114,9	11,3	14,9	0,97
1998	184,4	111,8	84,4	11,8	1,65
1999	136,5	107,3	36,5	7,3	1,27
2000	120,1	110,1	20,1	10,1	1,09

Источники: Yearly price indices of consumer goods and services from 1950 till 2007. https://web.archive.org/web/20080410184743/http://www.stat.gov.pl/gus/45_1634_ENG_HTML.htm (Польша); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.); Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.) https://rosstat.gov.ru/statistics/price (Россия)

Sources: Yearly price indices of consumer goods and services from 1950 till 2007. https://web.archive.org/web/20080410184743/http://www.stat.gov.pl/gus/45_1634_ENG_HTML.htm (Poland); Consumer price indices for goods and services in the Russian Federation, by month (since 1991); Consumer price indices for goods and services in the Russian Federation, by federal district and constituent entity of the Russian Federation (since 1992) https://rosstat.gov.ru/statistics/price (Russia)

общества и экономики, сколько гармонизировал ее, способствуя предварительному законодательному оформлению рыночных отношений с учетом национальной специфики.

Важной вехой в польской приватизации стало принятие закона о национальных инвестиционных фондах (НИФ) в 1993 году, который был призван ускорить приватизацию крупной промышленности. Для этого было выделено 512 предприятий и учреждено 15 инвестиционных фондов в форме акционерных компаний, которые должны были реструктуризировать и сохранить потенциал роста вверенного им промышленного фонда до старта приватизации. Дальнейшая дистрибуция акций предприятий протекала следующим образом: 15 % акций передавалась бесплатно служащим предприятий[4], 25 % оставалась у государства для финансирования сопутствующих социальных обязательств, а остальные 60 % аккумулировались в Национальных инвестиционных фондах (НИФ), которые в дальнейшем передавались гражданам в виде сертификатов с «обменным курсом» в 1 сертификат за 15 акций каждого из 15 НИФ. Национальные инвестиционные фонды были подотчетны Казначейству и лично заинтересованы в развитии предприятий, поскольку взносы в инвестфонды со стороны Казначейства были проведены не в денежной форме, а в форме акций упомянутых выше 512 компаний, при том, что каждый фонд обладал контрольным пакетом акций одного из предприятий, который мог быть продан только единым лотом. НИФ представляли собой «гибридный вариант холдинговой компании, совместных фондов и венчурного капитала» [Черноморова, 2002. С. 23], что вместе с привлечением квалифицированного иностранного менеджмента обеспечило гибкость инвестиционной политики и позволило относительно эффективно провести массовую приватизацию, завершив основной этап трансформационных процессов.

Стоит сказать, что, благодаря временному изъятию акций из свободного оборота и их удержанию национальными инвестиционными фондами, удалось обеспечить сохранность акций от обесценивания до срока их передачи гражданам и начала открытого обращения на бирже. В Российской Федерации ваучерная приватизация в 1992–1994 годах, наоборот, пришлась на время наибольшего роста инфляции (см. **таблицу 1**), что вмиг уничтожило накопления граждан и обесценило ваучеры, на долгие годы застопорив становление среднего класса. Чековые инвестиционные фонды (ЧИФ), созданные для спасения сбережений домохозяйств и привлечения инвестиций в промышленность, стали своеобразной калькой польских НИФов, ведь ЧИФы были неконтролируемыми правительством частными акционерными обществами. Не скованные какими-либо инвестиционными обязательствами и организационными препонами, ЧИФы быстро стали каналом изъятия ваучеров в пользу теневого рынка, в результате чего возложенная на них перераспределительная функция не была реализована [Гайдар, Чубайс, 2011. С. 67–70].

В качестве желаемого результата экономической трансформации в Польше законодательно закреплена модель социального рыночного государства по примеру Германии. Формула «столь-

4 Подобная мера применялась также и при других правовых механизмах приватизации. Соответствующий закон был принят в том числе для преодоления сопротивления реформам среди служащих предприятий.

ко государства, сколько это необходимо, столько рынка, сколько это возможно» [Сафронов 2025. С. 644] наиболее близко отражает тот баланс, к которому стремится польская модернизация. И хотя такое равновесие поддерживать достаточно трудно, и в Польше оно пока не достигнуто (см., например, [Вежбицкий, 2019. С. 157–160]), важно, что национальная цель была поставлена в полном соответствии с выбранной стратегией реформ. Союз права и экономики, при прочих равных, гарантировал стабильность при осуществлении основного курса преобразований даже при периодическом колебании политики государства вправо или влево.

Особенности российской приватизации 1993–2003 годов

Российский подход к трансформации экономики отличала крайняя степень радикальности. Она заключалась в том, что неолиберальная идея шоковой терапии как формы сверхбыстрой либерализации экономики распространялась на все без исключения сферы преобразований, в том числе и на приватизацию. Такая интерпретация данной идеи в целом отвечала рациональным требованиям буксующего российского экономического механизма, который, в отличии от польского аналога, не имел в запасе десятилетнего периода тестирования, при этом нуждаясь в срочном ремонте. Поэтому либералы в лице правительства Е.Т. Гайдара и одержали победу в борьбе с «градуалистами», отстаивающими более последовательные варианты приватизации [Гайдар, Чубайс, 2011. С. 59–62]. Целью приватизации в представлении Е.Т. Гайдара было формирование широкого класса собственников, который впоследствии мог бы сформировать более востребованные и актуальные ориентиры развития, обеспечив контроль и корректировку реформ в режиме реального времени. Фактически российские реформаторы хотели создать экономический базис для появления того же гражданского общества, которое в Польше сложилось в результате противостояния коммунистическому режиму. На практике поставленная задача выполнялась с большими затруднениями по нескольким причинам.

Во-первых, спонтанная приватизация, запущенная еще в конце перестройки, ставила под вопрос эффективность вышеупомянутого класса собственников, так как до 1993 года он рекрутировался преимущественно из бывшей партийной номенклатуры, мало заинтересованной в последовательной работе над созданием современных эффективных социально-экономических структур, в потенциале ограничивающих их экономические интересы.

Во-вторых, в отличии от Польши, где спайка власти и населения была обеспечена легальным и легитимным транзитом власти при порицании коммунизма на общенациональном уровне, в России институциональный вакуум сопровождалась политической раздробленностью общества и его поляризацией в отношении идеологического наследия Советского Союза. Отчасти поэтому советское, а затем и российское общество не смогло консолидироваться и стать двигателем экономического прогресса даже при последующих попытках властей собрать такое движение искусственно на основе антикоммунистической идеи.

Фактически именно отсутствие ясной дихотомии, соревнования двух конкретных социальных сил в лице правящей партии и оппозиции сначала за инициацию, а затем и формат реформ стало корнем многих последующих проблем, сопутствующих трансформации экономики РФ. В России так и не были решены вопросы, касающиеся реституции собственности и люстрации. Польша, хоть и несколько запоздало, но все-таки приняла ряд законов в этой области [Волобуев, 2018. С. 262–264]. При том, что польский закон о люстрации служит примером примирительной стратегии (см., например, [Calhoun, 2002]) и допускает санкции только при сокрытии связей с коммунистическим режимом в люстрационных декларациях, фактор публичности нейтрализует угрозу реставрации прежних номенклатурных связей со всеми вытекающими из этого последствиями.

В этом контексте ярким маркером для выявления бенефициаров приватизации являются льготные категории. Так, несмотря на авторитет «Солидарности», максимальный процент акций, передаваемых в льготном порядке трудовым коллективам в Польше, не превышал 20 %, тогда как в России, где общенационального независимого профсоюза, обладающего реальным политическом весом, не существовало в принципе, он составил целых 51 % [Богатова, 2016. С. 132]. Как писали А.Б. Чубайс и Е.Т. Гайдар, «перед правительством стояла срочная задача ввести уже идущую незаконную и неуправляемую приватизацию в цивилизованные рамки. Административный ресурс принуждения к исполнению нормативных актов, принятых органами федеральной власти, в то время был близок к нулю. Надо было не издавать указы и постановления, которые верны по существу, но не будут исполняться, а выстроить реализуемую концепцию приватизации, не упуская при этом главной цели – формирования института частной собственности в России» [Гайдар, Чубайс, 2011. С. 61–62].

Фактически российские реформаторы ставили задачу институционального закрепления итогов

спонтанной приватизации. В условиях асимметрии доступа к информации обычных рабочих и дирекции, а также крайне медленного преодоления характерного для российской действительности патернализма льготами при приватизации в РФ пользовались преимущественно бывшие партийные функционеры. Этим объясняется широчайшее распространение инсайдерской модели приватизации в России, даже по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы.

Последовавшая за ваучерной денежная приватизация 1994–1996 годов во многом также отвечала интересам выходцев из партийной номенклатуры. К тому моменту бывшая советская бюрократия окончательно интегрировалась в бизнес-структуры и получила простор для дальнейшей экспансии. Эту возможность предоставляли залоговые аукционы, распахнувшие узкому кругу новообразованной олигархии двери к остаткам еще неприватизированного национального богатства. Между ней и властью был заключен негласный общественный договор: в обмен на политическую поддержку Б.Н. Ельцина и его команды в предстоящих президентских выборах 1996 года крупнейшие финансово-промышленные конгломераты получали приоритет в переделе собственности. Сам механизм аукционов был сознательно спроектирован для легализации вышеописанной сделки государства и банковского блока, а не для декларируемых целей пополнения федерального бюджета и модернизации предприятий. Об этом красноречиво свидетельствует следующее обстоятельство: сумма кредитов, полученных от передачи в залог федерального имущества, была эквивалентна сумме временно свободных валютных средств федерального бюджета, размещенных в это время Минфином России на депозитных счетах коммерческих банков, ставших затем победителями в залоговых аукционах [Анализ процессов приватизации, 2004. С. 60]. Прямым следствием введения подобной «откупной системы» стало формирование в Российской Федерации клептократического режима, известного в отечественной историографии как «семибанкирщина», господствовавшего вплоть до начала 2000-х годов.

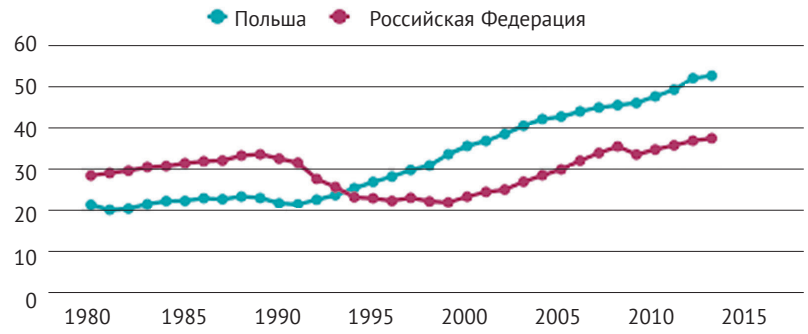
Наглядной демонстрацией эффективности двух подходов – польского и российского – к трансформации экономики являются показатели по ВВП на душу населения и производительности труда, представленные на **рисунках 3 и 4**.

Заключение

Сравнение российского и польского подходов к трансформации экономики позволяет сделать следующие выводы. Дихотомия шоковой терапии проявилась в выборе стратегического и тактического

Рисунок 3. Производительность труда на одного занятого в 1980–2012 годы, в долларах США на одного работника

Figure 3. Labor productivity per employee in 1980–2012, US dollars per worker

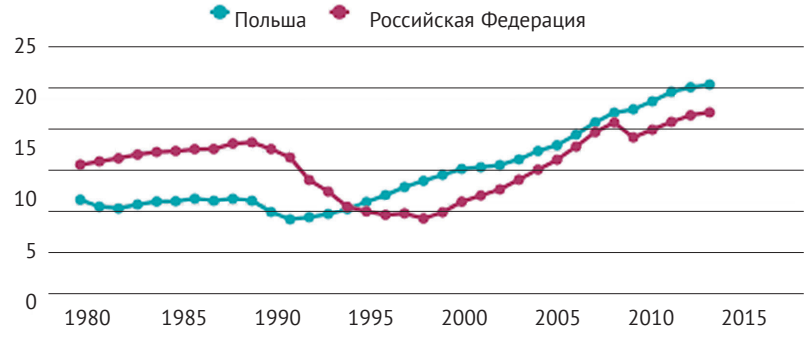

Источник: Productivity per person employed, US$. https://data-central.conference-board.org/

Source: Productivity per person employed, US$. https://data-central.conference-board.org/

Рисунок 4. ВВП на душу населения в 1980–2012 гг., в долларах США

Figure 4. GDP per capita in 1980–2012, in US dollars

Источник: GDP per capita, US$. https://data-central.conference-board.org/

Source: GDP per capita, US$. https://data-central.conference-board.org/

инструментария элитами двух стран. В то время как Польша, отказавшись от радикальных подходов, смогла использовать комплексный метод, подразумевающий комбинацию точечных мер и масштабных хозяйственных мероприятий, России не смогла удалось воплотить в жизнь аналогичную гибкую стратегию трансформации. Причиной этого стал непреодолимый лоббизм крупных экономических агентов и принятие решений под грузом их политического давления.

В отсутствие альтернативных полюсов реформ в обществе, авангардом российской трансформации стала бывшая партноменклатура, стремящаяся к доминированию в сфере товарно-денежных отношений. В случае Польши, помимо благоприятной внутренней конъюнктуры, ее конкурентным преимуществом стала система независимого внешнего контроля в виде т.н. Копенгагенских критериев вступления в ЕС.

Произошедшее в России в начале 2000-х годов лишение олигархата, который с определенными оговорками можно назвать рудиментом советской эпохи, политического веса отчасти стало реинкарнацией советских циклов децентрализации-централизации экономики в новой российской действительности: фаза жесткой политической децентрализации и радикальной приватизации 1990-х годов сменилась фазой укрепления вертикали власти и разрастания госсектора с 31,2 % в 2000 году до 48,5 % в 2023 году[5]. Это обстоятельство доказывает неэффективность быстрых спонтанных изменений в том ключе, что их положительный эффект полностью нивелируется затратами на устранение их негативных последствий.

После пересмотра спектра национальных целей России в 2024 году и его перестройки под достижение совокупного государственного суверенитета краеугольным камнем встает вопрос о выстраивании новой долгосрочной экономической политики. Именно он является ключом к достижению социального благополучия и росту производительности – наиболее важных компонентов успешной экономики, а через нее и государственного суверенитета.

В этом отношении польский опыт как пример позитивного результата системной и при этом плавной трансформации может представлять интерес с точки зрения преодоления отечественного травматического опыта 1990-х годов и его переосмысления через исторические параллели с государствами с успешными трансформационными проектами. Бенчмаркинг и адаптация иностранных методов, инструментов и знаний в этих условиях становится залогом правильного выбора различных стратегий и направлений развития при актуальном государственном строительстве.

5 Индексы размера государственного сектора ИПЭИ РАНХиГС. https://aea.ru/data/pdf/indxs.pdf

Литература

Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы С.В. Степашин. М.: Олита, 2004.

Белановский С.А., Яременко Г.А. Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998.

Богатова К.А. Приватизационные модели в переходных экономиках: сравнительная характеристика. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 11-1. С. 129–133 EDN: WYBMEL

Вежбицки А. Факторы и вызовы социальной политики. *Studia Politologiczne.* 2019. Т. 30. С. 157–177.

Волобуев В.В. Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. EDN: YVEZWM

Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ, 2011. EDN: QPUMDX

Керимов А.А., Нагорных О.В. Декоммунизация по-польски: от теории к практике. М.: Деловая книга, 2025. EDN: CLLTAY

Лапина Н.Ю. Российская приватизация: история, динамика, результаты // Приватизация в России и других странах СНГ. Сборник обзоров / Отв. ред. В.А. Виноградов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. С.13–55. EDN: OPPIGL

Сафронов А. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum; Эксмо, 2025.

Черноморова Т.В. Реструктуризация и приватизация компаний в Польше (реферативный обзор) // Особенности приватизации в Центральной и Восточной Европе: реферативный сборник / Отв. ред. В.А. Виноградов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. С. 17–35. EDN: PJEDMA

Calhoun N. The ideological dilemma of lustration in Poland. *East European Politics and Societies.* 2002. Vol. 16. No. 2. P. 494–520. https://doi.org/10.1177/088832540201600207. EDN: JRPNEV. In English

Dziurok A., Gałęzowski M., Kamiński Ł., Musiał F. Od niepodległości do niepodległości. Historia Polski 1918–1989. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

Grala D.T. Reformy gospodarcze w PRL (1982–1989). Próba uratowania socjalizmu. Warszawa: TRIO, 2005.

References

Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003 (expert-analytical event) / Head of the working group S.V. Stepashin. Moscow: Olita, 2004. In Russian

Belanovsky S.A., Yaremenko G.A. Yaremenko Yu.V. Economic conversations. Recorded by S.A. Belanovsky. Moscow: Tsentr issledovaniy i statistiki nauki, 1998. In Russian

Bogatova K.A. Privatization models in transition economies: com-

parative characteristics. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2016. No. 11-1. P. 129–133. EDN: WYBMEL. In Russian

Wierzbicki A. Determinants and challenges of social policy. *Studia Politologiczne*. 2019. Vol. 30. P. 157–177. In Russian

Volobuev V.V. Poland in the Soviet Bloc: from «thaw» to regime collapse. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2018. EDN: YVEZWM. In Russian

Gaidar E., Chubais A. Crossroads in modern Russian history. Moscow: OGI, 2011. EDN: QPUMDX. In Russian

Kerimov A.A., Nagornykh O.V. Decommunization in Polish: from theory to practice (monograph). Moscow: Delovaia kniga, 2025. EDN: CLLTAY. In Russian

Lapina N.Y. Russian privatization: history, dynamics, results // Privatization in Russia and other CIS countries: a collection of reviews / Ed. by V.A. Vinogradov. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2003. P. 13–55. EDN: OPPIGL. In Russian

Safronov A. The great Soviet economy: 1917–1991. Moscow: Individuum; Eksmo, 2025. In Russian

Chernomorova T.V. Restructuring and privatization of companies in Poland (abstract review) // Features of privatization in Central and Eastern Europe: an abstract collection / Ed. by V.A. Vinogradov. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2002. P. 17–35. EDN: PJEDMA. In Russian

Dziurok A., Gałęzowski M., Kamiński Ł., Musiał F. From independence to independence: a history of Poland 1918–1989. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. In Polish

Grala D.T. Economic reforms in the People's Republic of Poland (1982–1989). An attempt to save socialism. Warsaw: TRIO, 2005. In Polish

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Роман Дмитриевич Кутейников, студент Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: rkut2005@gmail.com

Наталья Евгеньевна Булетова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного регулирования экономики Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82);
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургский научный центр РАН (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 5). E-mail: buletova-ne@ranepa.ru
https://orcid.org/0000-0003-4808-906X

Для цитирования: *Кутейников Р.Д., Булетова Н.Е.* Трансформация экономики в посткоммунистический период: сравнительный анализ опыта России и Польши. *Государственная служба*. 2026. № 3. С. 72–81.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Roman D. Kuteynikov, Student, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: rkut2005@gmail.com

Natalia E. Buletova, Doctor of Sci. (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of State Regulation of the Economy, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation);
Leading Research Fellow
Saint Petersburg Research Center of the Russian Academy of Sciences (5, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: buletova-ne@ranepa.ru
https://orcid.org/0000-0003-4808-906X

For citation: *Kuteinikov R.D., Buletova N.E.* Economic transformation in the post-communist period: a comparative analysis of the experience of Russia and Poland. *Public Administration*. 2026. No. 3. P. 72–81.